***

Мы с тобой на кухне посидим...
О.М.

Снег такой, что нельзя различить
верхушки деревьев и старой котельной трубу.
Год закончился, перешел в лабуду,
в лай собак, воробьёв перебранку,
лампы пухлой таинственный горб.
Вечер долог, медов.
Хорошо нам сидится на кухне,
будто зёрнышку в клюве.
Подперевши ладонью щеку: лю-ли, лю-ли.
Воронеж в снегу.

Ты поёшь: а на том берегу!
Ничего нет на том берегу.
Время вышло. Страна обалдела
                и несёт
ёлки по небу. Катят машины.
Я не знаю, какой сейчас год
в болтовне петушиной и глупой куриной возне

буду я говорить о тебе,
будешь ты говорить обо мне,
а снежинки — дрожать от мороза.
Дом наш только снаружи нелеп,
он внутри, как язык первоклассника, розов.

***

Чтобы всё оставалось, как есть:
стул венгерский, солонка советская, скатерть.
Снег идёт каждый раз, как всеобщая весть
о великой утрате.

Если вырваться мне,
если мне рассказать о пропавшем...
Лепестками и перьями белый свет облетает на пашню
и в прорехи — про мир во всём мире —
знакомые мёртвые лица.
Это крылья для слуха и зренья,
это весть о любви и забвенье —
чтобы было не страшно родиться.

Как узнают меня?
Что скажу им — для слов недостоин —
проигравший и впавший в безумие воин,
чистых хрупких листков господин.

Я один.

***

Оставшийся взлетает и парит
над постоянством. Сумеречный вид
не тяготит, но к жизни возвращает.
И облако над яблоней болит
и всю огромность родины вмещает,

где только свет, где только свет нести
от смерти и тоски, от глупости
в пространство сна и клетчатого лета,
где шепчет мальчик «Господи, прости!» —
а вдруг не хватит радости и света...

К земле вернётся аист-атеист —
бесплодный, грустный, как осенний лист, —
и растворится в немоте вещей.

И ничего не будет вообще.

***

От ветра прятаться, спокойствия искать
в сырой земле, в варенье земляничном
и на губе, как проклятый, лабать
в обличье птичьем.

Во имя прошлого, где мнима благодать,
не к свету тянешься, а в тень уходишь,
в чудную истончившуюся ять,
как в довоенный мандельштамовский Воронеж, —

где улица хрупка и говорлива,
а слово «слива» равноценно сливе:
цветёт и зреет, падает и тлеет.
Ты говоришь и в сказанное веришь.
Так пусть воздастся каждому по вере!

Всё остальное —
чуть дальше рук и лампы на столе —
огромный ветер.
Прячешься от ветра и ничего не ищешь на земле.

***

Я молод. И мне нечего сказать
о имени и времени своём.
Как ветка жилиста, повёрнутая вспять
сочувствием воды, когда вдвоём

проходим сквером оттепельным, где
скворец не-прилетевший говорит.
Он замер. Он по клювик в воздух вбит.

А наши речи и верней, и глуше:
как холодно в России, как светло

и как могло быть хуже.

***

Наша комната — скворечня зимой,
мы — птенцы — не научились летать.
Если ты со мной — будь со мной,
как раскрытая ветром тетрадь.

И наполнится снегом страна
по мои голубые глаза,
будто прахом или пухом полна —
чтоб ни взгляда и ни шага назад,

чтобы быть на земле землёй
и в хрустальном саду звенеть
веткой сливы, как смерть, одной,
веткой сливы одной, как смерть.

***

В снег так просто сойти
и с ума, и с земли — не заметят.
Замело запасные пути
и, как зайцы зимой,
стали белыми черти.

Не на свете живу —
в свою тень убываю из света
(так расходится звуком в траву
одряхлевшее лето).

Под просторным безлиственным лбом
жди не жди — ничего не случится.

Оставляю, как жизнь, на потом,
как ресничку в глазу голубом:
утону — за неё зацепиться.